

«Егаза Пушкин»

Юрий МИЛОСЛАВСКИЙ

С какого-то культурно-исторического момента почти любое произнесенное нами дополнительное словцо о Пушкине не имеет более ни единого шанса безнаказанно втиснуться между молекулами до предела насыщенного пушкинианского раствора, сколько бы оно ни казалось уместным. С Александром Сергеевичем отечественная филология несколько перебрала, и анализом причин такого перебора придется заняться рано или поздно. Между тем труды продолжают выходить, причем каждый последующий автор делает вид, будто ничто предыдущее ему не помеха.

Еще в юбилейном, 1987 году издательство «Правда» выпустило обширный двухтомник «Жизнь Пушкина», составленный по методу «коллажа» В.Куниным. Подобные «коллажи» выходили у нас с середины двадцатых до начала тридцатых годов: о декабристах, о Некрасове, о Блоке - все высочайшего качества. Собственно, к тому же роду относится и вересаевский «Пушкин в жизни», с которым «Жизнь Пушкина» ведет скрытую полемику. В отличие от В.Вересаева В.Кунин переславляет главы своей книги подробными связующими комментариями - впрочем, вполне жалкого свойства - о крепостниках, монархистах и гомосексуалистах, погубивших поэта. Нас интересует, однако ж, другое. Примерно полвека назад был опубликован многолетний труд Ариадны Тырковой-Вильямс под тем же названием - «Жизнь Пушкина». Одно из двух: либо В.Кунин об этой книге не знал, либо понадеялся, что мы о ней не знаем.

«Пушкин - это наше все. Эта старая формула Аполлона Григорьева... остается и до сих пор некоторым знамением», - констатировал желчный Юрий Николаевич Тынянов. Бедняге, вероятно, удалось понаблюдать из своего окна за демонстрацией трудящихся в Ленинграде в день столетия гибели Пушкина в феврале 1937 года. Но он не дожид до того, что официальной историографией определяется как вступление Советской Армии в Пушкинские Горы, освобожденные от немецких захватчиков в 1944 году: воинские подразделения проходили под импровизированной триумфальной аркой, украшенной лозунгом: «Отомстим немцам за нашего Пушкина!»

Пушкинизация действительности - это практически неисчерпаемая тема для шуток.

«Сильно тяготея..., вращаясь постоянно..., Сергей Львович Пушкин встретился с крайне эксцентричной, пылкой и властолюбивой полумулаткой» (Большая энциклопедия, СПб, 1904).

«Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве в 1799 году, Мая 26-го, в четверг, в день Вознесения», - сказано в записях, сделанных рукою Н.Павлищева со слов жены Ольги Сергеевны Павлищевой-Пушкиной в октябре 1851 года. Чуть позже из-за права преимущественного обладания этими записями возник малоприятный спор между двумя основоположниками пушкиноведения - П.Анненковым и П.Бартеневым. «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скварцова, у жильца его Мозора Сергея Львовича Пушкина, - продолжает метрика. - Крещен июня 8-го дня...»

Принято считать, что перед нами выписка из метрической книги церкви Богоявления в Елохове. Но в пособии для учителей средней школы за 1954 год «Пушкин в портретах и иллюстрациях» этот же текст, воспроизведенный фотографически, относится к церкви на Сретенке.

«Егаза Пушкин» - подпись под коллективным письмом к лицейскому инспектору С.Фролову.

В 1880 году полагали бесспорным, что Пушкин родился в доме на Немецкой улице: об этом подробно рассказывается в Известиях Московской Городской Думы. В 1980 году «Московская правда» опубликовала статью С.Романюка, утверждавшего, что Пушкин родился вовсе не на Немецкой, а на Малой Почтовой, дом 4.

Эти неясности в исходных данных обнаруживаются в первый же час работы над источниками. И они не случайны. Ибо на всем принадлежащем нам культурном пространстве не находилось участка, откуда нельзя было б увидеть Пушкина, но Пушкина тотемного, и потому, так сказать, амбивалентно направленного. Его заклинали, на него возлагались странные надежды и упования, к нему предъявлялись невообразимые требования. А когда надежды не сбывались, а требования - само собою - не исполнялись, Пушкина начинали проклинать, объявляли никуда не годным и сбрасывали с парохода современности. Пароход современности шел ко дну, а уцелевшие начинали все сначала. Шли ожесточенные дискуссии о том, на какие молитвенные призывы вернее всего отзывается Пушкин. Пушкин молчал.

Параллельно развивалось циничское направление в пушкинизме; представители его не гнушались никакими средствами, стремясь убедить окружающих в том, что Пушкин - всего-навсего человек, и человек суетный. С кошунниками многие соглашались, но не верили им - никто. В самом деле, хорошо усвоено положение, согласно которому уроки истории состоят в том, что у истории не берут уроков. Значительно труднее примириться с мыслью, что история уроков не дает. Она никогда не обращается к нам фронтально, не предупреждает о предстоящих контрольных, то есть, не служит в системе образования. Она, история, не преподает даже историю. Эта нейтральность нестерпима. Поэтому никто из нас не мог решиться отпустить Пушкина в историю до тех пор, покамест она сама не повернулась еще на несколько сантиметров...

Да и то, сколько ни насмешничай вдогонку безвозвратно ушедшему веселому божеству в куляришках, но на чем-то же выросли знаменитая речь Достоевского и отчаянный призыв Блока «Помоги в немой борьбе!», который был же кем-то услышан? И разве не прав Набоков, что у читателя Пушкина увеличиваются легкие в объеме?

За последние три четверти столетия мы выпили такое количество дрянного вина, что до сих пор не отбьемся, но в том, что касается Пушкина, мы как раз отрезвели. Если на ваших глазах подписывают божественные глаголы под карикатурами в «Крокодиле», а вместо крылатки набрасывают на плечи пророка небезызвестное пальтецо и пускают по проселочной дороге прямо на публику (плакат худ. Б.Зеленского, 1949 г.), то поневоле отрезвеешь...

«Даже революция, потрясая все авторитеты, не могла поколебать его треножника, а, напротив, старается найти в нем для себя идеологическое оправдание и нравственную опору», - писал некогда митрополит Анастасий (Грибановский). Было бы обманом утверждать, что ей это несколько не удалось. Степень «оприходования» оказалась такой, что и из Пушкина удалось извлечь множество целесообразного. И тогда всем стало ясно, что он не бог. Ну еще бы.

А только главной понятийной характеристикой, прилагаемой к Пушкину, всегда было и остается легкость. Не в переносном смысле, не метафорически. Ощущение легкости, исходящее от «егазы Пушкина», отринуть невозможно, хоть давно осведомлены мы о его черновых вариантах и помарках, запутанных финансовых и семейных обстоятельствах. «Не было фортуны ему, - говорит в булгаковской пьесе соглядатай Битков. - Как ни напишет, мимо попал, не туда, не те, не такие». Он прав: не было ему фортуны. Но как легко! Не ему, а нам в его присутствии.

58